

Абиль Еркін Аманжолович

д.и.н., профессор.

Директор Института истории государства КН МОН РК,

e-mail: yerkinabil@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

Аңдатпа. Мақалада ұжымдық бірегейлік пен ұлт құрылысының қалыптасу процестеріне тарихи жадтың әсер ету мәселесі қарастырылады. Тарихтың қазіргі заманғы ұлттық репрезентациясы фрагменттелген, қазақтар мен Қазақстанның басқа да халықтарының дербес тарихы бар, десе де, тарих әлі күнге дейін этникалық ұжымдардың тарихы ретінде қабылданады. Тарихты бейнелеу кемшіліктер кешенінің қалыптасуына және жарақаттанған ұжымдық жадтың дамуына ықпал етеді. Посткеңестік және этноцентрлік дискурс өркениеттік-ұлттық болып ауыстырылатын тарихты репрезентациялаудың жаңа моделі ұсынылады.

Түйін сөздер: тарихи жады, ұлттық репрезентация, посткеңестік және этноцентрлік дискурс

Abstract. The article deals with the problem of historical memory influence of the collective identity formation and nation-building processes. The modern national representation of the history is fragmented, there are independent histories of the Kazakhs and other peoples of Kazakhstan, the history is still perceived as the history of ethnic groups. The representation of the history contributes to the formation of an inferiority complex and the development of a traumatized collective memory. A new model of the history representation is proposed, in which the post-Soviet and ethnocentric discourse is replaced by a civilization-national one.

Key words: historical memory, national representation, post-Soviet and ethnocentric discourse

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния исторической памяти на процессы формирования коллективной идентичности и нациестроительства. Современная национальная репрезентация истории фрагментирована, существуют самостоятельные истории казахов и других народов Казахстана, история по-прежнему воспринимается как история этнических коллективов. Репрезентация истории способствует формированию комплекса неполноценности и развитию травмированной коллективной памяти. Предлагается новая модель репрезентации истории, в которой постсоветский и этноцентрический дискурсы заменяются цивилизационно-национальным.

Ключевые слова: историческая память, национальная репрезентация, постсоветский и этноцентрический дискурсы

Тема памяти получила широкое распространение в связи с обсуждением ряда проблем, которая придала им определенное политическое звучание. В числе таковых можно отметить:

1. Вопросы нациестроительства, актуальные для новообразованных государств, возникших на территории бывшего Советского Союза и социалистической Югославии. Эти процессы актуализировали проблему этноса и межэтнических отношений, в частности, соотношения гражданского и этнического национализма.

2. Вопросы идентичности, не только национальной, но и цивилизационной, которые обострились в контексте геополитического сдвига, вызванного крушением биполярной структуры международных отношений и сопутствующего этому крушению «конфликта цивилизаций».

3. Академические дискуссии о природе исторического знания и статусе исторической науки в современном российском обществе.

Долгое время размышления в рамках первого, второго и третьего направлений проходили автономно, точнее изолированно друг от друга, и, возможно, именно этим объясняется отсутствие сколько-нибудь значимых результатов в решении данных вопросов. При этом проблема памяти и другие связанные с нею вопросы рассматривались преимущественно в идеологическом ключе, а сам ход их обсуждения подчинялся не столько логике научного поиска, сколько давлению политической конъюнктуры. Не историки, а политики и публицисты оказались на переднем плане обсуждения этих проблем.

Что понимается под исторической культурой в современной исторической науке? В ее составе выделяют два горизонта:

1. собственно историческое мышление (включая науку истории);
2. представления о прошлом, складывающиеся в ходе исторического процесса в коллективной памяти различных этнических и социальных групп.

На втором горизонте исторической памяти размещаются памятники устной традиции, документы публичного и частного характера, литературные источники –

исторические сочинения, художественные и публицистические произведения [1]. Во взаимодействии этих двух горизонтов активная роль принадлежит второму, который иногда и называют собственно исторической культурой [2]. Назначение исторической культуры – обеспечить социальное согласие посредством отсылки к прошлому. Естественно, что образ прошлого не статичен и переживает непрерывные изменения, причины которых – как поворотные события в жизни нации, так и политическая конъюнктура. В любом случае эти образы являются результатом конструирования.

Тезис о взаимосвязи памяти с нацией и национализмом емко и ярко выражен в утверждении Э.Смита (Anthony Smith): «no memory, no identity; no identity, no nation» - «Нет памяти – нет идентичности, нет идентичности – нет нации» [3]. Согласно концепции Э. Смита, нация – культурная единица населения, имеющая название, с отдельной территорией, общими мифами о происхождении и воспоминаниями, общественной культурой, общей экономикой, общими законными правами и обязанностями всех членов [4].

Определение нации, как «мнемонического сообщества» (mnemonic community) [5], опирается на память, как на этноресурс [6] и помнящую культуру [7]. По Я. Ассману «Помнящая культура» есть всеобщий феномен. Он обращен к группе и подразумевает выполнение социального обязательства по сохранению в памяти того, чего нельзя забыть, поскольку «помнящая культура имеет дело с «памятью, создающей общность» [8]. С. Балджиндер и М. Росс предприняли социально-психологическое исследование, изучающее связь между групповой идентичностью и исторической памятью [9]. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что разные представления групп об истории, определяющееся внутренней социальной идентичностью, отражает как преимущества, так и недостатки этих сообществ. С одной стороны, позитивные внутригрупповые предубеждения усиливают социальную идентичность и приверженность своей группе. С другой эти предубеждения способны спровоцировать конфликт, основанный на непонимании между отдельными людьми и группами [10].

Коллектив авторов в работе *Collective Memory and Social Representations of History* выделяет семь различных функций коллективной памяти, связанной с социальной идентичностью: 1) определяет группу и ее непрерывность, 2) определяет групповые ценности и нормы, 3) повышает сплоченность группы, 4) устанавливает ценность группы, 5) узаконивает групповое поведение, 6) мобилизует группу и 7) влияет на текущее психологическое состояние членов группы [11].

Американские ученые Д. Пеннебайкер и Б. Банасик (Pennebaker J. W., Banasik B. L.) пишут о том, что коллективные воспоминания являются мощными смыслообразующими инструментами как для сообщества, так и для отдельных индивидов в сообществе. По мере того, как идентичность и культура развиваются во времени, люди неявно реконструируют свою историю. Таким же образом новые

коллективно определяемые исторические воспоминания помогают обеспечить идентичность для последующих поколений [12]. Не случайно Я. Ассман отмечал, что «память занимается воссозданием» [13].

В современной репрезентации национальной истории основное место занимают исторические события, связанные с трагическим прошлым – военными поражениями, колонизацией, политическими репрессиями и насильственной депортацией народов СССР. Все это связано с групповой исторической травмой. Культурная травма не только оставляет неизгладимые следы в групповом сознании людей переживших ее, но и «навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [14]. Историческая травма по А. Ассман в случае ее отложенности во времени вызывает травматизацию и табуизирование, которые приводят к тому, что не только преступники, но и жертвы не хотят воспоминаний [15].

В советском прошлом в значительной степени политизированная и идеологически выверенная история обрела почти ритуальные функции, связанные с демонстрацией лояльности режиму. Современная репрезентация истории в основных своих положениях является наследницей советской исторической концепции. Репрезентация истории фрагментирована, существуют самостоятельные истории казахов и других народов Казахстана, история по-прежнему воспринимается как история этнических коллективов. При этом репрезентация истории до 18 века способствует формированию комплекса неполноценности и развитию травмированной коллективной памяти.

Советская модель истории была преимущественно идеологической конструкцией. В подобной ситуации советские истории были вынуждены «давать отпор буржуазным фальсификаторам» и вне зависимости от того, «относились ли твои выводы к палеолиту или к империализму», советская историческая наука развивалась вокруг единственно доминирующей идеологии. Разоблачение «неправильной» исторической репрезентации стало дискурсивной практикой. Отголоски этих исследовательских практик слышны и в современном историческом сообществе, особенно – на региональном уровне, где в значительной мере сохраняется советская инерция, а неформальный уровень продолжает играть значительную роль, не уступая формализованным процедурам. Подобные практики выяснения отношений между собой еще с большей интенсивностью проявляются и в отношениях между историками постсоветских государств, где теоретические разногласия подкреплены и взаимными национальными претензиями.

Пересмотр модели репрезентации национальной истории не является спецификой Казахстана. Все транзитные общества переживают такое же состояние. История является мощным мобилизационным ресурсом как в деле разрушения старых политических режимов, так и создания новых

институтов, призванных санкционировать демократический опыт и придавать легитимность новым режимам. Процессы политического транзита неизбежно сопровождаются фрагментацией общества. Нередко линией расхождения является национальная история, точнее – отношение к историческому прошлому со стороны представителей различных политических сил. В ситуации перехода от авторитаризма к демократии, осложненного не только объективными социально-экономическими трудностями, но и усложненного историческими спекуляциями и ростом национализма происходит неизбежная политизация исторической науки. Склонность к политически выверенным оценкам прошлого на постсоветском пространстве самым тесным образом связана со значительными тенденциями к ревизии и пересмотру ранее доминировавших схем написания истории. В этом отношении все постсоветские историографии изначально ревизионистские.

Политизация истории часто имеет место в условиях политических переходов и трансформаций, в результате распада многонациональных государств. Факт исчезновения империй или мультиэтнических авторитарных режимов свидетельствует о том, что постепенно размывается некогда общая и единая история: «каждый народ помнит и чувствует эту историю по-своему. Национальная память по-своему перерабатывает и осмысляет общий опыт. И поэтому у каждого народа – свой XX век» [16]. В подобной ситуации установилось доминирование множественных памятей, некогда общая история усилиями интеллектуалов в новых странах подвергается национализации.

Признание факта политизации истории привело к тому, что национальная историография стала подвергаться критике как «мифологичная» и «мифотворческая», при этом критики забывают, что любая историческая память основана на мифе как символе. «Ортодоксальная», «чистая», «вненациональная» история – такой же символ, такой же миф, но, чаще всего, миф имперский. Задача национальной историографии – десоветизация интеллектуального исторического дискурса без скатывания в дискурс этноцентрический.

В настоящее время начата активная работа МОН РК и научного сообщества по формированию новой модели репрезентации истории, в которой постсоветский и этноцентрический дискурс заменяется цивилизационно-национальным.

Базовая модель репрезентации национальной истории должна основываться на следующих принципах и подходах:

1. Принцип приоритета национальной истории. Национальная история рассматривается как часть всемирной истории. Однако, главной задачей национальной образовательной системы является формирование национального сознания, национальной идентичности. Поэтому и преподавание истории должно быть максимально подчинено этой задаче. Концепция и содержание дисциплины «всемирная история» должны быть пересмотрены таким образом, чтобы дополнять преподавание национальной истории, а не наоборот.

2. Принцип целостности. Необходимо рассматривать национальную историю как процесс зарождения, развития и упадка целостного исторического явления – цивилизации Великой степи (Ұлы Дала өркениеті).

Для отражения национальной истории цивилизационный подход при всех своих недостатках, является наиболее приемлемым, так как дает возможность рассматривать общества на территории Центральной Азии и Казахстана не как периферию, а как самостоятельные общества, бывшие в определенные периоды истории в центре мировых событий. Необходимо продолжить работу по теоретическому обоснованию единой цивилизации Великой степи.

3. Принцип перманентного развития. При репрезентации и преподавании истории следует делать акцент на прогрессе и изменениях:

В сфере материального производства – постепенный переход от присваивающих форм хозяйства к комплексному скотоводческо-земледельческому хозяйству с опорой на стационарные городские центры, переход к максимально эффективному использованию экологической системы, эволюция материальной культуры.

В сфере духовной культуры – развитие мировоззрения от политеизма до принятия мировых религий, развитие жанрового разнообразия в устной и письменной литературе, развитие письменности.

В сфере политической истории – развитие политических систем – от царской власти ранних евразийских скотоводов, через степные империи, потерю независимости и национально-территориальные советские проекты к формированию современной политической нации.

Именно такой подход позволит: а) показать вклад национальной истории в мировую, ее влияние на развитие всего человечества; б) преодолеть комплекс вторичности, неполноценности национальной истории.

4. Важный методологический подход, на котором должна основываться модель репрезентации национальной истории – деколонизация исторического сознания и гуманитарного знания.

Основной доминантой репрезентации и преподавания истории должен стать тезис: «Скотоводческие общества Великой степи, наследником которых является современная казахстанская нация – самостоятельный субъект истории, а не объект культурного и политического влияния «развитых» обществ».

Список источников и литературы:

1. Репина, Л.П. (Ред.). История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006, С.9-13.

2. Репина, Л.П. (Ред.). История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006, С.15.

3. Smith A. D. Memory and Modernity: Reflections on Ernest Gellner's Theory of Nationalism//Nations and Nationalism. 1996. Vol. 2. No. 3. Pp. 371-388 <https://doi.org/10.1111/j.1469-8219.1996.tb00004.x> (дата обращения: 23.03.2022), 383 p.
4. Smith A.D. Myths and memories of the nation. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999. Pp. 288, p.104.
5. Rowlinson, M., Booth, C., Clark, P., Delahaye, A., & Procter, S. (2010). Social remembering and organizational memory. *Organization Studies*, 31(1), 69-87. <https://doi.org/10.1177/0170840609347056> (дата обращения: 22.03.2022), 69 p.
6. Smith A.D. Myths and memories of the nation. – N.Y.: Oxford univ. press, 1999. Pp. 288.
7. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 368.
8. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 368, С. 30.
9. Baljinder S., Michael R. Group Identification and Historical Memory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. No. 3. Pp. 384-395, С. 384.
10. Baljinder S., Michael R. Group Identification and Historical Memory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. No. 3. Pp. 384-395, С.393.
11. Páez D., Bobowik M., de Guissmé L., H. Liu J. Licata L. Collective Memory and Social Representations of History. 2016. - URL: <https://clck.ru/rf27m> (дата обращения: 24.03.2022).
12. Pennebaker J. W., Banasik B. L. On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Social Psychology In book: Pennebaker, J.W., Paez, D., Rim,, B., & Paez, D. (Eds.). (1997). *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives* (1st ed.). Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203774427> (дата обращения: 21.03.2022), С.18.
13. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 368, С.43.
14. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // *Социологический журнал*. 2012. № 3. С. 5-40. –URL: <https://clck.ru/rf29c> (дата обращения: 24.03.2022). С.6.
15. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 328, С.105.
16. О «Национальных образах прошлого» XX век и «война памятей». Обращение Международного общества «Мемориал» [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/rf2Ai> (дата обращения: 15.10.2013).